Раф Гази



Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана

Раф Гази

Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана

«Автор»
2025

Гази Р.

Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана / Р. Гази — «Автор», 2025

Многослойный любовный роман «Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана», состоящий из 18 частей и Эпилога, написан в мистической форме «квантового фэнтези».Его главные герои - 4 любящие пары, скрывая свои истинные сущности, ведут двойную жизнь: одну - во сне, другую - в яви. Первая сильно воздействуют на вторую и даже управляет ею. Лишь к концу романа с неожиданным финалом сбрасываются все маски.Перед основным персонажем Каганом Кыятом - потомком Чингиз-хана - вдруг встает архисложная задача: «завершить миссию» своего грозного предка, «Потресателя Вселенной». Какой Аркан он построит - могучую Империю или цветущий Эдем - становится ясным лишь в Эпилоге.

© Гази Р., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Часть первая 6
Часть вторая 11
Часть третья 16
Часть четвертая 22
Часть пятая 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Раф Гази
Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана

Часть первая

1

Кыят вылез из морской пучины на каменистый берег и, фыркая, как волк, и стряхивая с себя брызги, поднялся по крутым деревянным ступенькам на веранду. На широкой тахте вибрировал миниатюрный радиопередатчик, сигнализируя мигающей красной лампочкой о входящем вызове.

Кыят не пользовался никакими переговорными устройствами кроме этого автономного приемника с зоной покрытия в пределах своей резиденции. По нему могли выйти на связь лишь два абонента – личный секретарь Дина и командир военизированной охраны Макс. И то в случае крайней необходимости.

– Слушаю. Что случилось? – взял радиопередатчик в руки Кыят.

– Блатные просят о встрече, – в приемнике раздался глухой бас главного охранника.

– Кто конкретно?

– Какой-то Сивый из банды Туза.

– Не знаю такого. Что он хочет?

– Тема про нашего Евдокима, который чалится на зоне в Сибири.

После некоторого раздумья, Кыят принял решение.

– Созывай военный совет, через двадцать минут в моем кабинете.

"Военный совет" – это, конечно, было сказано громко, в нем участвовало всего четыре человека: Кыят, Макс и два его зама Казбек и Бульбо.

"Сотник" Макс, в прошлом простой деревенский парень, прошедший курс древней национальной борьбы "курэш", возглавлял военизированный отряд численностью в сотню голов. Все бойцы были хорошо обучены и вооружены, многие имели боевой опыт, пройдя через различные "горячие точки" планеты. Эта сотня легко могла справиться с батальоном солдат армии любой страны.

Но даже на этом фоне выделялись два отчаянных головореза – Бульбо и Казбек.

Бульбо – высокий, под метр девяносто, наемник с широкой грудью, тонкой талией и звериным оскалом костлявого пиратского лица, за свои 35 лет успел влезть в пекло едва ли не всех серьезных военных пожаров, случившихся в последнее время на планете Земля.

Горец Казбек, в отличие от Бульбо, ничего кроме своих гор не видел. Но был прирожденным бойцом, он, кажется, уже родился с автоматом на груди, и сколько себя помнил, не выпускал его из своих цепких рук.

Макс же вообще не имел боевого опыта, кроме уличных боев, но обладал талантом военного полководца, который был заложен в его генах. Вообще-то, мама с папой назвали сына подругому – Максуд, но все звали его сокращенно – Макс.

Кыят более опытных в военном отношении Бульбо и Казбека назначил лишь заместителями, а Макса поставил во главе своего небольшого интернационального "войска".

Члены военного совета в полном составе сидели в кожаных креслах в уютной комнатке, обставленной цветами, в ожидании Кагана (так они между собой называли Кыята). Это была приемная – "царство" секретарши Дины, очень молодой и очень красивой девушки с длинными черными волосами и голубыми глазами. Но хозяйка куда-то отлучилась.

Бойцы вели непринужденную светскую беседу, когда наконец вошла Дина, держа в руках большой расписной поднос с чайными принадлежностями. При ее виде обычно беспристрастное лицо Макса оживилось, озаряясь теплой улыбкой.

Да, девушка была невероятно красива, но не модельной красотой деланных кукол с обложек модных журналов, она излучала естественное очарование, присущее женщинам, воспитанным в строгих классических традициях древнего Востока. Даже ее длинное, цвета морской

волны бирюзовое платье, не могло спрятать стройный девичий стан и пышную грудь. Овальное миловидное лицо и другие незакрытые одеждой участки тела сияли девственной белизной. Хотя Дина исполняла роль личного секретаря Кыята, его отношение к ней выходило за рамки служебного. Кыят проявлял к Дине отеческую опеку и заботу, хотя никогда не называл "дочкой".

– Спасибо, Дина, – поблагодарил Макс девушку, – оставь все это, мы сами разольем себе чай.

Продемонстрировав тонкие запястья с длинными изящными пальцами и, окутав бойцов-командиров ароматным шлейфом цветущей юности, Дина вновь плавно удалилась.

2

Каган Кыят вошел в свой кабинет ровно через 20 минут после разговора с Максом по радиопередатчику. Следом вошли члены военного совета. Кабинет Кыята, не имеющий окон, был больше похож на бункер. Комната освещалась мягким неоновым светом, из мебели кроме длинного журнального столика, стального цвета шкаф-купе по стенам и таких же кожаных коричневых кресел, как в приемной у секретарши Дины, ничего больше не было. Макс коротко, без лишних эмоций ввел Кыята в курс дела – остальные были с ним уже знакомы.

Из Сибирского лагеря, где их боевой товарищ Евдоким отбывал наказание за пьяную драку (покалечил нескольких посетителей местного кабака) , "откинулся" какой-то важный уголовный авторитет по кличке Сивый, правая рука Туза – главаря одной из "южных" российских банд. Именно в этом крупном южном городе базировалась "империя" Кыята с его главной резиденцией.

Прибыв на юга, Сивый решил отметить свое освобождение в кругу "близких корешей" в ресторане "Аркан Кун". Кстати говоря, это злачное место рекомендовал Сивому его однолагерник Евдоким. В этот вечер там как раз отрывался и некий «африканский» легионер, который, как потом узнали, был земляком Макса. Между сторонами случился конфликт, отмороженный легионер в одиночку попер на пятерых бандюков, успев "попортить фотокарточку" откинувшемуся законнику. Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы вовремя не подоспела охрана и, не разбираясь, кто прав, кто виноват, вышвырнула всех участников инцидента за шлагбаум, отделяющий территорию КРК Аркан Кун от остального мира. Аббревиатура КРК означала Культурно Развлекательный Комплекс, как было написано в уставных документах. Но некоторые приближенные Кыята расшифровали эту аббревиатуру по-своему – Ка-Ра-Карум.

Сивый почему-то подумал, что Мардан (так звали легионера) состоял в отряде Кыята, и требовал теперь сатисфакции. Через три дня, в ближайшее воскресенье, блатные собирали «сходняк» во главе с Тузом в одном из подконтрольных им кабаков побережья Черного моря и настоятельно рекомендовали прибыть туда и представителям Аркан Куна. В противном случае они грозили расправой бойцу Евдокиму, сидевшему на "воровской зоне" и сулили прочие неприятности.

Евдоким, коренной сибиряк, был в общем-то неплохим бойцом и хорошим товарищем, готовым всегда прийти на помощь. Богатырского телосложения, косая сажень в плечах, он легко, как мячиками, жонглировал двухпудовыми гирями. Но была у Евдокима одна слабость, присущая многим россиянам – пристрастие к зеленому змию. Его морда (иначе не скажешь), когда он напивался (а влазило в его морду литра полтора-два), наливалась краской, и ему обязательно надо было с кем-нибудь подраться.

Кыят не терпел пьяниц, как и его древний предок Чингиз-хан (в Аркан Куне ходили упорные слухи, что Кыят является далеким отпрыском этого самого грозного завоевателя в истории человечества). Сам Кыят не подтверждал и не отрицал этого родства, оно было ему на руку и льстило его самолюбию.

Однако в отличие от Сотрясателя Вселенной, который прощал выпивох два раза, а на третий отрубал им головы, Каган Кыят даже второго шанса "алконавтам" не давал. Нет, он не

лишал их жизни. Если после жесткого наказания кто-то косячил на почве пьянства во второй раз, Кыят просто навсегда изгонял его с территории Аркан Куна, под страхом смерти запрещая когда-либо появляться здесь сызнова.

3

Пьяный дебош Евдокима в Сибири, куда он во время отпуска ездил навестить родственников и старых друзей, был его первым известным Кыяту косяком. За то, что загулявший дебошир покалечил всю охрану и персонал кабака, суд впаял ему "пятерык" и отправил отбывать наказание в "воровскую зону". Кыят посчитал, что наказание заслуженное, и не стал отмазывать своего бойца, хотя легко мог это сделать – на той зоне все продавалось и все покупалось, как впрочем, и во многих других известных ему учреждениях. Правда, 5 лет – это был слишком большой срок, через год отсидки (хороший будет урок), который как раз уже иссякал, Кыят собирался вызволять Евдокима.

Но тут вмешались блатные со своими угрозами.

– Ну что будем делать, какие есть соображения? – спросил Кыят членов военного совета после того, как окончился доклад.

– Да что тут соображать, – отозвался сторонник простых и быстрых решений Бульбо. – Надо мочить блатных. В воскресенье пойдем на их сходняк, и там в их же логове всех и замочим. Хэшэрэт!

Легионер Бульбо не мог разговаривать без мата. Но зная, что Каган не выносит матерных слов, он попросил Максуда-Макса научить его какому-нибудь более менее приличному восточному ругательству. Вот тот и подобрал ему это слово "хэшэрэт", что означало "гады, суки, сволочь". Но Бульбо, похоже, вкладывал в него какой-то свой смысл и использовал, где надо и не надо.

– Все так думают? – задал вопрос Кыят.

Макс с Казбеком о чем-то пошушукались, но промолчали, выражая тем самым согласие с мнением товарища.

– Понятно. Но у меня есть другой план, – интригующе сказал Каган.

Члены военного совета затихли, ожидая подробностей.

– На кого вышли блатные, кто вел с ними переговоры? Казбек?

– Да, Казбек, – подтвердил Макс, – он ведь у нас криминал курирует.

В различных криминальных группировках, которыми кишмя кишело Черноморское побережье, было немало горцев, которые, несмотря на свою бандитскую деятельность, не обрывали родовых теповых связей. Казбек кое с кем из них был знаком и даже состоял в кровном родстве.

– Казбек, тебе задание, – приказал Каган. – Выясни, что из себя этот Туз представляет, насколько влиятельна его банда в криминальном мире, какую роль в ней играет Сивый, и какие у них есть терки внутри самой банды… Мне нужна полная информация по Тузу и Сивому. Потом решим, что с ними делать.

– Есть, – по-военному отрапортовал Казбек.

– А ты, Макс, – обратился Кыят к командиру спецназа, – возьми под опеку своего земляка, Мардан, кажется, его зовут. Сивый на него обязательно наедет, а паренек нам еще может пригодиться. Если вопросов ни у кого нет, то на этом закончим.

4

Казбек узнал от своих земляков о банде Туза все, что мог. Туз действительно имел большой авторитет в уголовной среде. Он был "вором в законе" еще старой формации, и строго соблюдал все воровские законы и понятия. Свой авторитет он приобрел вполне заслуженно, благодаря неоднократным отсидкам, смелости и прямоте в сочетании с холодной расчетливостью, ну и конечно благодаря необычной удачливости – без "воровского фарта" уважение подельников не завоевать. Короче говоря, Туза на мякине было не провести, не подкупить, не

сломать. Можно сказать, Туз был в своей среде "последним из Могикан". На смену пришла новая воровская формация, молодые бандюки охотно сотрудничали со спецслужбами, даже не нюхая зоны, покупали свои воровские титулы – благо наступили такие времена, когда это стало возможным. Власть криминальная почти полностью «ссучилась».

Поэтому Кыят поставил на Сивого, это был тертый калач, и служил как бы связующим звеном между новой и уходящей волной уголовной братвы. С помощью Сивого Каган хотел подчинить себе воровской мир побережья, как ранее, с помощью подкупа и угроз он подмял под себя часть местной чиновничьей рати.

– Убрать нужно всех членов банды, в первую очередь ее главаря Туза, – давал вводную перед началом операции Каган. – В живых должны остаться лишь два-три человека, Сивого можно легко ранить. Эту задачу, как опытный стрелок, возьмет на себя Бульбо.

– Сделаем, будь спок, шеф, – бодро отрапортовал тот.

– Дело нужно совершить быстро и без лишнего шума, – закончил свое напутствие Кыят.

На операцию "Захват Сивого" Макс взял с собой 10 бойцов, включая Бульбо, Казбека и Мардана. Да, после собеседования с Каганом и клятвенного заверения "завязываю с бухлом", Мардана приняли в военный отряд Аркан Куна с испытательным сроком в три месяца. Как выяснилось, Мардан, как и его односельчанин, а теперь его непосредственный начальник Макс, серьезно занимался восточными единоборствами. Каган Кыят, как и его предок Чингиз-хан, ценил прямодушных, цельных, крепких телом и духом ребят. Они были последним оплотом стремительно деградирующего мира. Словно какая-то высшая космическая сила специально подбирала таких людей и окружала ими Кыята.

5

В назначенный час небольшой грузовик с рекламной вывеской "Горячий хлеб" подкатил к ресторану, где местная воровская элита проводила свое сборище. Внутри крытого кузова грузовой машины скрывалась группа захвата, возглавляемая Максом. Бойцы были вооружены усовершенствованными пистолетами АПБ Сечкина с емкостью магазина в 25 патронов и дальностью стрельбы до 100 метров. Глушитель на АПБ прикреплялся с помощью специальной защелки. Это оружие хорошо себя зарекомендовало еще во времена Афганской войны.

Сначала из кузова грузовика выпрыгнули два бойца – Мардан и Бульбо, скрывающие под рабочей формой свои пистолеты. Они бесшумно перебили охрану перед входом в ресторан, на дверях которого была вывешена табличка "Банкет". После чего к ним присоединились и остальные члены боевой группы, молниеносно ворвавшейся внутрь ресторанного кабака.

Операция длилась не более 10 минут. Тут завыли сирены полицейских машин. Легко раненого в руку Сивого и трех оставшихся в живых членов банды Туза, нацепив на руки "браслеты", отвезли в полицейский участок Аркан Куна.

"Разговор по душам" с Сивым проходил в кабинете-бункере Кыята.

Плюхнувшись в кожаное кресло, Сивый поднял забинтованную руку и недовольно буркнул:

– А без этого нельзя было обойтись?

– Ничего, до свадьбы заживет, – успокоил его Кыят. – Зато тебя теперь никто ни в чем не заподозрит, и ты теперь новый смотрящий.

– А Туза точно завалили? – беспокойно заерзал в своем кресле новоиспеченный главарь банды.

– Точнее не бывает.

– Ну тогда лады. И как бизнес будем делить? Мы половину побережья контролируем.

– Контролировали, – поправил Каган. – Чего тут делить! Под тобой по-прежнему остаются ваш общаг, уличная шпана, торговые точки, рынки, кабаки, проститутки и прочее. Ничего не меняется. Только половину прибыли будете отстегивать теперь в Аркан Кун.

– А как же мэрия? Там будут сильно недовольны, если мы перестанем им заносить, – зачесал репу Сивый.

– Это уже ваши проблемы, решайте их сами, – жестко обрезал Кыят, но потом несколько смягчился: – Не бзди, Сивый, если сами не справитесь, мы вам подмогнем.

– Лады, мы же теперь партнеры, – оскалился бандюган.

– Ну да, – дипломатично согласился Каган. – И еще условие – никакого наркотрафика.

– Заметано. Наркоты и Туз чурался, хотя там такие бабки поднять можно, – мечтательно зажмурился Сивый, а потом словно спохватился: – А фармацевты, они под кем будут?

– Пока оставим по-прежнему, – в некотором раздумье произнес Кыят. – Ты же знаешь, кто аптеки контролирует. В этом бизнесе очень серьезные люди, пока туда лезть не будем.

– Да, кровушки может много пролиться, такой лакомый кусочек за просто так никто не отдаст.

– И вот еще что, – перед прощанием обратился Кыят к своему новому "вассалу". – Мои люди уже выехали в Сибирь Евдокима из колонии выкупать. Ты маякни своим, чтобы никто там нашего парня не трогал.

– Евдок, хоть и не вор, но правильный пацан, я с ним в одной зоне чалился, в одном бараке чефирил. Ничего с твоим бойцом не случится, не боись, – пообещал недавний сиделец и, сверкая золотой фиксей, дурашливо заржал: – Зуб даю, век воли не видать!

Поменяв и подчинив себе власть в местной воровской среде, Кыят, как уссурийский тигр залег в засаде, готовясь к очередному решающему прыжку.

Часть вторая

1

За летней верандой резиденции Кагана Кыята открывался чудный вид. Деревянные ступени веранды вели прямо в синие воды Черного моря, на крутых каменистых берегах в туманной дымке зеленели редкие кустарники. Вся эта территория в несколько сот гектаров была окаймлена высоким забором с камерами наблюдения.

Сама веранда, сокрытая от посторонних глаз, примыкала через отдельный коридорчик к внушительному трехэтажному сооружению со служебными и жилыми помещениями – к главной резиденции, штаб-квартире Кагана. Выйдя через ее главный парадный подъезд и пройдя через устланную белым булыжником мостовую, можно было попасть в небольшой поселок с уютными одноэтажными коттеджами для персонала.

По левую руку от резиденции, если смотреть со стороны моря, был выстроен целый культурно-развлекательный комплекс с элементами средневекового кочевого быта: отель-казино в виде огромной "золотой юрты" с неоновой вывеской "Аркан Кун", бары-рестораны с отдельными кабинами в форме гаремных лож, сеть торговых палаток в караван-сарае, беговые аттракционы с участием верблюдов и лошадей, которые работали только в ночное время. Эта восточная экзотика, освещенная разноцветной иллюминацией и сдобренная тягучими этнонапевами, манила и привлекала посетителей, как мух на сладкий шербет. "Аркан Кун", принося солидный, но не основной доход его основателю, превращался в самое престижное место развлечений и отдыха не только для простых обывателей – местных жителей и гостей, но и весьма солидных господ.

По правую руку от "ханской резиденции" располагались административные здания силовых структур: полицейский участок с небольшим тюремным помещением и секретная армейская часть с военным полигоном и научно-технической лабораторией. Полицейские и военные объекты вместе с персоналом (который тоже проживал в поселке Аркан Куна), числились на государственном коште, но состояли еще также на "подкорме" у Кыята.

Таким образом, вся эта военизированная территория вместе с природными, развлекательными и жилыми комплексами, называемая, как и основной отель-казино, Аркан Кун, составляла отдельную, независимую административную единицу. Фактически это было государство в государстве со своим единоличным правителем – Каганом Кыятом.

2

Кыят с юности любил настольные игры, в разные годы – разные.

У него сложилась своя квалификация, даже своя философия игр. Китайцы и англосаксы очень хорошо поднаторели в стратегии: первые в Го, вторые в бридж. Поэтому они и захватили ведущие позиции в мировой геополитике, что умеют мыслить большими стратегическими масштабами.

«А наши предки, – пришел к печальному выводу Кыят, – ничему более серьезному, чем выбрасывать кости в нардах и полагаться на волю случая, не научились». Но нарды – это тактическая игра, а Го – стратегическая. Поэтому в коротких схватках мы всегда побивали китайцев, но в долгосрочной перспективе им проиграли. Как проигрывали и продолжают проигрывать различные любители «забить доминошного козла», «помахать шашками», «сыграть в подкидного дурачка» и «выудить из лоточного мешочка бочонок с удачной циферкой».

Впрочем, железный порядок и Ясса Чингиз-хана вполне успешно могли противостоять китайской агрессии, проблемы у наших предков начались, когда собственные традиции были преданы забвению. «Если вы забудете наш главный закон, то ваше государство распадется, вы долго будет искать нового Чынгыз-хана, но так его и не найдете», – предостерегал Великий Каган своих потомков.

Кыят решил изучить Го, чтобы понять характер и систему стратегического мышления сынов Поднебесной. Он упорно постигал эту мудренную науку месяцев 5, но не продвинулся ни на йоту, по китайски думать никак не получалось. Зато он понял, на что нацелен китайский ум. Китайский ум нацелен на медленное, но неуклонное расширение контролируемых территорий и пленения всех их обитателей. Мегапроект, рассчитанный на века и тысячелетия.

К счастью, китайский ум – это не только Конфуций, но еще и Лао Цзы. И его путь Дао – Тао, как думал Кыят, наиболее близок к Небу тюркского Тенгри.

«Но что же можно противопоставить Го? Британский бридж, похоже, уже устарел», – напряженно искал Кыят. И вдруг его осенило – Индия! Шахматы! Тоже ведь стратегия, да еще какая!

3

Увы, в черно-белых квадратиках Кыят вскоре тоже разочаровался.

Это произошло после серии неудач во время игры в шахматы с исполнительным директором его отеля-казино "Аркан Кун". Кстати, в одном из его баров как раз и происходил конфликт легионера Мардана с вернувшимся из лагеря законником Сивым.

Директора звали Моисей Ким, он-то и был шахматным соперником Кыята. Моисей был наделен врожденной способностью к точному расчету, генетечески присущему его хитромудрому племени. Он досконально изучил всю дебютную технику как за черных, так и за белых – все эти "Испанское начало", "Сицилианская зашита", "Дебют четырех коней' и т.д. Знакомый лишь с азами шахматной теории (на уровне школьного любительского кружка) и склонный более к импровизационной игре, Кыят сдавал этому то ли еврею, то ли корейцу Моисею Киму одну партию за другой.

«И здесь мы не на коне!» – огорчался он. После удачно разыгранной Кимом той или иной домашней дебютной заготовки исход партии уже на 20-25 ходу предрешался. Дальше сопротивляться было бесполезно.

Но когда перешли на "шахматы Фишера" (Кыят совершенно случайно узнал о них в интернете), результат кардинально поменялся. Холодный расчет Моисея неизменно был бит горячей интуицией Кыята. И Кыяту стало неинтересно, он перестал играть в шахматы со своим управляющим.

Однако шахматы не забросил, он стал играть в них с Сафой.

Играли на веранде, восседая на просторном тапчане, за низким круглым столиком. Тапчан был покрыт персидским ковром ручной работы, поверх которого вокруг столика лежали войлочные подстилки и тугие дынеобразные подушки. Кыят возлежал на подушках на правом боку, левой рукой двигая шахматные фигуры. Сафа сидел, по-восточному скрестив ноги, по другую сторону столика.

Была очередная суббота, Кыят и Сафа всегда играли в шахматы по субботам. Но не по обычным классическим правилам, они играли в "шахматы Фишера". Это Кыят, не признающий никаких стандартов и шаблонов, научил Сафу новым правилам.

"Шахматы Фишера" отличались от классических расстановкой фигур. Передний ряд, как обычно, занимал пешечный редут, а вот в заднем ряду фигуры в каждой новой партии выстраивались случайным образом, причем так, что, к примеру, ферзь мог оказаться в одном углу шахматной доски, а король – в другом. Наигранные классические дебюты здесь уже не проходили, в каждой партии нужно было вырабатывать новую тактику и стратегию игры. Про домашние заготовки тоже можно было забыть, в "шахматах Фишера" следовало полагаться лишь на собственную интуицию и смекалку.

Здесь шла совсем иная игра, не как с Моисеем, Сафа и Кыят сражались на равных, с переменным успехом.

– Шах! – объявил Кыят, выводя белопольного слона из укрытия.

Кыят ни к кому не обращался так уважительно и почтительно, как к Сафе. Ни к Киму, ни к Максу, ни другим своим преданным соратникам, занимавшим ответственные посты в его «империи» – КРК Аркан Кун.

Сафа был давним и проверенным товарищем Кыята, они были знакомы еще по Центральной Азии, где и подружились в далекой юности. Кыят с Сафой вместе постигали азы борьбы «курэш» у знаменитого местного мастера.

Сафа, в отличие от Кыята, перебрался в Россию совсем недавно, около года назад; друзья потеряли друг друга из виду и долгие годы не водились и не общались. Но судьба снова свела их вместе.

4

Прибыв на юг России Сафа приобрел небольшую избушку в казачьем хуторе, неподалеку от Аркан Куна. Еще в Центральной Азии в нем открылся дар предсказателя и целителя – в основном он лечил людей от запоев. Сафа никогда не афишировал свое умение, старался даже его скрыть. Но ему стали докучать назойливые ходоки. В этом, конечно, отчасти он был виноват и сам – как-то раз неосторожно, чтобы успокоить одинокую соседку-старушку, Сафа предсказал, что она обязательно получит весточку от своего без вести пропавшего на «вахтовых северах» внука. Действительно, внучок вскоре объявился и позвонил, причем, именно в тот день и час, на которые указал «оракул». Сарафанное радио вмиг разнесло об этом весть по всей округе. Так Сафа стал потихоньку «ванговать», и к нему зачастили просители. В том числе, из Аркан Куна. Всем же хочется быть здоровыми и знать свое будущее.

Прослышал о нем и Кыят, не подозревая даже, что это его старый товарищ по Центральной Азии. К Сафе на лечение, больше для профилактики (на зоне не сильно-то побухаешь), Каган отправил прибывшего из сибирского лагеря Евдокима.

На стук Евдокима в окна и двери маленькой избушки на краю заброшенного хутора у опушки лесочка, где обитал Сафа, долго никто не откликался. Хозяин то ли спал, то ли не хотел впускать непрошенных гостей.

Наконец он отпер дверь и, лишь мимоходом взглянув на красную физиономию Евдокима, отмахнулся:

– Иди отсюда, горбатого могила исправит.

Кыят, когда ему об этом рассказал не солоно хлебнувший Евдоким, не то чтобы оскорбился, его это заинтриговало. И он сам отправился к Сафе в огромном бронированном джипе. Хозяин на этот раз не спал.

Кыят с изумлением рассматривал более чем скудную обстановку дома – кроме аккуратно покрытой коричневым пледом деревянной кушетки, круглого стола с двумя самодельными табуретками да свежевыбеленной печки в углу комнаты здесь ничего больше не было.

Старые друзья сразу узнали друг друга и крепко обнялись…

Буквально на следующий день Сафа, собрав свои нехитрые монатки, перебрался в Аркан Кун. Кыят предоставил давнему другу новенький благоустроенный коттедж для комфортного проживания.

5

Сафа, окунувшись после банной парилки в морской волне, лежал в высокой траве и смотрел на небо. На небо нужно смотреть или лежа спиной в воде, или лежа на земле.

Лето выдалось капризным: палящую жару часто сменяли ливневые дожди. Земля, глубоко пропитанная влагой и согретая солнечным теплом давала обильные всходы. Сафа не успевал скосить всю траву на своем земельном участке возле коттеджа, как тут же вырастали новые "джунгли" из зеленых зарослей, куда он нырял в перерывах банных процедур.

Сафа лежал на траве и наблюдал за небом. Примятые травяные стебли и колючки приятно щекотали распаренную горячим дубовым веником спину, она даже после окунания в бочку с холодной водой не успевала остыть. Но на небе ничего интересного не происходило,

небо было обернуто в однообразный кисель бледно молочного цвета. Тогда Сафа стал изучать цветочки и травы, которые со всех сторон окружали высокой зеленой стеной его распластавшееся на земле голое стройное тело. Хотя Сафу принимали за лекаря, он совершенно не разбирался в травах, и среди большого разноцветья лепестков различных форм и размеров, "целитель" уверенно мог отличить лишь желтые ромашки и синие васильки. Да, еще он знал о красных тюльпанах, но они остались в Азии, здесь тюльпаны не росли.

6

Уже третий месяц, как Сафа проживал в Аркан Куне. Был ли он доволен своим переездом? Наверное, да. Сафа азартно крутил педали на велотрассе вдоль побережья Черного моря, с удовольствием отдавался морским волнам, особо ему никто не докучал.

Все приближенные владельца Аркан Куна Кагана Кыята, которым теперь приходилось так или иначе сталкиваться с его давним другом Сафой, удивлялись способности «целителя» при любых обстоятельствах сохранять внутренний покой и равновесие. Но никто не подозревал о том, что Сафа потратил годы упорных тренировок, чтобы достичь такой невозмутимости духа. Казалось, никто и ничто не могло его выбить из этого состояния вечного покоя.

Сафа вывел для себя два важных принципа, которым неуклонно следовал уже много лет. «Не поднимай волну» и «Не оставляй следов».

Первое правило касалось эмоционального поля, в котором он постоянно пребывал – оно всегда оставалось ровным и гладким, почти без амплитудных волн. На это поле могли оказывать воздействие люди и собственные мысли. Собственные мысли он уже давно научился контролировать, а общение с людьми свел до «Minimum minimorum» – то есть, минимального значения из всех возможных.

Второе правило «Не оставляй следов» касалось человеческих поступков. Любой человек, совершая какое-либо действие, рано или поздно обязательно сталкивается с его последствиями. Положительными или отрицательными – не важно. Сафа старался избегать и тех, и других. Действию он предпочитал бездействие, и решался на те или иные поступки лишь, как реакцию, отклик на те или иные вызовы внешней среды. Сам же он ничего не предпринимал, плыл по течению жизни, и это течение само приносило ему все, в чем он нуждался.

И еще Сафа придумал для себя одну «волшебную фразу»: «Покой, Абсолютный покой, Полный штиль», при этом он представлял совершенно гладкую, без единой морщинки, гладь синего озера. Стоило ему произнести эти слова и мысленно представить этот образ, как тут же срабатывал наработанный условный рефлекс, активность его мозга снижалась до уровня тета-волн и он погружался в глубокий сон, улетая в царство Морфея…

Просыпался Сафа поздно – в девять утра. После ванных процедур, короткой, одному ему понятной духовной молитвы и легкой физической разминки отправлялся на велотрек. Проезжал вдоль побережья туда-обратно километров 10-12 в ровном темпе минут за 30-40. После плавал немного в море разными стилями, в основном брассом и кролем. Все это занимало около часа. Затем легкий завтрак и прием «гостей». Посетители все-таки были, в основном «арканкуновцы», но не только.

В полдень Сафа поднимался на второй этаж своего теперь уже постоянного жилища, где облюбовал одну из угловых комнат под спальню. Наступал "тихий" час, который длился до самого вечера, часов до шести-семи. После скромного ужина, состоящего из овощей, фруктов и небольших порций мясных или рыбных блюд он гулял по парку среди деревьев. А потом – вновь короткий прием посетителей.

Ложился спать Сафа рано – в девять вечера, и спал, не пробуждаясь, около 12 часов. Да, большую часть времени Сафа проводил во сне, если добавить еще "тихий час", то получалось, – 18-19 часов. На бодрствование оставалось лишь четверть суток. У нормальных людей, как известно, все наоборот: 6-8 часов они спят, а потом занимаются разными делами, преимущественно добычей пропитания или приумножением своих капиталов.

Сафа вел странный, противоестественный образ жизни, нарушавший все каноны существования человека. И в этом была его главная тайна и загадка.

Но Сафа не просто спал, а видел сны. Яркие, цветные, полные сочных красок и гармоничных звуков, необычных эмоций и волнительных переживаний. Что ему снилось? Часто – люди. Давно умершие и живые. Знакомые и незнакомые. Бабушка, дед, отец с матерью, бывшие жены, дети и внуки, другие родственники. Какие-то женщины, одних он знал, других – нет. Иногда это были эротические сны. И все эти люди, знакомые и незнакомые, не просто так приходили к нему в сновидениях, с ними случались какие-то занимательные истории, в которые он тоже был вовлечен, плача и смеясь, огорчаясь и радуясь вместе с ними… Это было, как кино, каждый раз – новое. Но только намного сопережевательнее, потому что он сам играл различные роли в этих снах-фильмах.

В общем, Сафа вел двойную жизнь: первая, короткая – это явь, вторая, длинная – это сон. И вторая его жизнь была гораздо интересней и насыщенней первой. Можно даже сказать, что они поменялись местами: сон стал явью, а явь сном.

Похоже, Творцу не понравилось, как Он создал свое главное детище – человека, и Всевышний решил немного подправить данное творение, потренировавшись прежде на Сафе. Его подопытный был способен все свои потребности удовлетворять во сне. Только испражняться и принимать пищу ему приходилось наяву, как обычным людям. Если бы он и эти естественные для человеческого организма функции сумел перевести в «Квантум» (как он сам называл место своего отрешения), то полностью бы оторвался от мира материальных вещей.

Но это возможно, наверное, уже лишь в Аиде – царстве мертвых. Даосы считают, что там даже лучше, чем в Морфее – царстве сна.

«Чжуан-цзы по дороге в Чу наткнулся на пустой череп – совсем иссохший, но еще целый… Он положил череп себе в изголовье и улегся спать. Ночью череп явился ему во сне и спросил:

– Хочешь я расскажу тебе о мертвых?

– Хочу,– сказал Чжуан-цзы.

– У мертвых,– сказал череп,– нет ни государя наверху, ни подданных внизу; не знают они и забот, что приносят четыре времени года. Беспечные и вольные, они так вечны, как небо и земля, и даже утехи царей, что восседают, обратясь лицом к югу, не сравнятся с их блаженством.

Чжуан-цзы усомнился и спросил:

– А хочешь я попрошу Владыку Судеб возродить твое тело, отдать тебе кости, кожу и плоть, вернуть отца и мать, жену и детей, друзей и соседей?

Но череп ответил, сурово насупившись:

– Неужто же я променяю царские услады на людские муки!»

Иногда Сафа видел "вещие сны". Вдруг, откуда-то из глубин его сонного сознания, а может, вообще из-за его пределов, из какого-то другого энергетического поля, из «Квантума», неожиданно приходили ответы на те самые вопросы, которые задавали ему люди в реальной жизни. Вот откуда брались предсказания Сафы, из его снов, сам он к ним не имел никого отношения. Ответы эти всегда были правильными и точными, но приходили не всегда. Некоторые вопросы оставались без ответов.

Однако если в явной жизни было мало внешних впечатлений, то и сны становились скучными и вялыми. Поэтому Сафа старался держать себя в хорошей физической форме и постоянно искал, как насытить сердце и ум новыми эмоциями и идеями.

Еще живя на хуторе, он начал совершать воскресные "культурно-театральные вылазки" в соседний мегаполис, «огни большого города» давали ему хорошую подзарядку. На неделю такой подпитки как раз хватало.

Часть третья

1

Лишь за завтраком – два яйца всмятку без хлеба – Марьям вспомнила, что сегодня вечером ей предстоит загадочное свидание с таинственным незнакомцем. Точнее, это было не свидание, а деловая встреча. Ей предложили работу.

Все началось еще вчера, в пятницу, когда ближе к концу рабочего дня ее неожиданно вызвали в департамент.

– У меня для тебя хорошая новость, Марьюша, – по-приятельски, без всякой субординации, поспешил обрадовать вызванного «на ковер» искусствоведа директор департамента музеев и внешних связей.

Апартаменты начальника не выглядели по-чиновничьи, вместо портретов руководящих лиц стены украшала «венецианская живопись». Темные шторы едва пропускали солнечный свет, что придавало некую интимность обстановке кабинета. Впрочем, это был не кабинет, а скорее, художественный салон, предназначенный для приема гостей. В том числе, гостей неофициальных, смекнула догадливая посетительница. Марьям сидела с чашечкой дымящегося кофе в черном кожаном кресле за низким модерновым столиком напротив директора и с интересом осматривалась вокруг.

Несмотря на то, что Одар Карлович Метуталь был ее непосредственным начальником, Марьям уже давно не видела воочию своего шефа, года, наверно, три. Все сношения осуществлялись через директрису музея современной живописи, где Марьям занималась организацией выставочных проектов, искусствоведческой экспертизой и прочей мелочевкой.

А ведь когда-то они встречались довольно часто. Раз в неделю – это уж точно. До тех пор пока Марьям решительно и бесповоротно не прервала эти бесперспективные встречи с женатым мужчиной. Да, Одар и Марьям были раньше любовниками.

«Зачем я ему вдруг понадобилась, – Марьям нервничала и чересчур звонко помешивала маленькой серебряной ложкой свой капучино. – Неужели хочет возобновить отношения? Нет, не бывать этому».

– Ты это чего? – участливо спросил Одар Карлович.

– Ничего. Все в порядке! – резко ответила Марьям.

И как бы в такт своим мыслям, решительно вздернула головой и поправила левой, свободной от чашки рукой, светлый локон, выбившийся из прически.

Одар шумными глотками отхлебывал горячий кофе, ощупывая все еще стройную к 37-годам фигуру Марьям мутным взглядом отвергнутого любовника.

Ему было 45, и он, как с удовлетворением отметила про себя Марьям, заметно сдал за те три года, что они не виделись. Ни его седеющие виски на некогда смолисто-черной кудрявой шевелюре, ни откровенно выступающие залысины, ни даже слегка выпирающее брюшко, которое он старательно скрывал фалдами дорогого твидового пиджака – ни один из этих недостатков не ускользнул от придирчивого взора неувядающей Марьям.

– У меня для тебя хорошая новость, – повторил директор и грустно вздохнул, словно прощался со своими тайными надеждами и грезами. – Меня попросили найти толкового искусствоведа, видимо, какому-то олигарху понадобилась консультация. Я предложил твою кандидатуру.

Заметим, что найти «толкового искусствоведа» попросил сам министр культуры области, а его попросил это сделать хозяин Аркан Куна Кыят, друг Сафы.

– Спасибо, – скромно ответила Марьям.

2

Предложение мистера Х, как Марьям заочно назвала своего потенциального «работодателя-олигарха», сильно ее удивило. Она ожидала совершенно иного, она думала, что ей предложат стать «директором» домашней экспозиции. По крайне мере, именно на такое предположение наталкивал сбивчивый, но все же вполне определенный рассказ директора Метуталя, которому лично сам министр поручил подыскать «опытного и знающего искусствоведа широкого профиля». Выбор директора департамента пал на Марьям, свою бывшую любовницу. За что она, конечно, была ему благодарна, хотя он, похоже, не вполне бескорыстно совершал этот выбор. И тем не менее…

В искусствоведческой среде подработка «смотрителем домашнего музея» считалась чрезвычайно удачной. Редко кому удавалось ее заполучить. Только по великому блату. Набрав по случаю коллекцию из дорогих картин, скульптур, старинных украшений, редких книг, эксклюзивных икон и еще Бог весть чего – мало ли что там приобретают богатые господа-миллионеры на различных аукционах, – они не умели всем этим правильно распорядиться. И не скупясь на гонорары, нанимали профессиональных искусствоведов. Плохо разбираясь в «высоком искусстве», хозяин такой домашней коллекции предоставлял полную свободу действий. Это тоже было немаловажно для творческой личности, к коим Марьям причисляла и себя. Лишь бы богатые «папики» не лезли со своими похотливыми ухаживаниями да не путались бы под ногами их капризные дуры-жены.

Но мистер Х предложил совершенно другую работу. Если это, конечно, можно было назвать работой.

Деловая встреча проходила в одном из модных сюр-кафе Аркан Куна, которое Марьям сама и выбрала. Здесь, среди искусственных, но максимально реалистичных пальм, стильного звездного декора с неоновыми вывесками, затейливых арт-объектов в духе позднего импрессионизма обычно отмечались удачные завершения ее выставочных проектов.

Готовясь к «кастингу», Марьям сильно волновалась. Перемерив кучу выходных нарядов из своего гардероба, она все их забраковала. В итоге влезла в голубые джинсы и накинула черную кофточку. И так сойдет. Она ведь, как это Метуталь выразился, «искусствовед широкого профиля», личность творческая, следовательно, ей все к лицу.

Но над прической со своим мастером колдовала долго. Нужно было из копны светлых густых волос сотворить нечто изысканно-небрежно артистическое. В конце концов, остановились на классической модели. Большой зачес назад, а по вискам – кокетливо струящиеся локоны.

Минимум косметики. Едва заметная в вырезе кофточки тонкая золотая цепочка. И завершающий штрих – фамильные бабушкины сережки с круглыми ободками.

3

Однако все ухищрения Марьям пошли коту под хвост. Г-н Сафа, так он себя отрекомендовал, как будто совсем не замечал своей собеседницы. И главное – он не видел в ней Женщины. Это для Марьям, привыкшей к повышенному вниманию со стороны мужских особей, было особенно обидно. Хотя г-н Сафа, по прикидкам Марьям, был не совсем еще стар. Ему можно было дать лет 45, ну 50. Впрочем, по невозмутимости и спокойствию, – и все 70.

«Может, он «голубой», вон и рубашка голубого цвета, – подумала Марьям, но тут же сама себя мысленно осадила: – Нет, вряд ли. Насмотрелась я на этих педерастов, они по нашим выставкам табунами ходят. Все вертлявые какие-то, суетливые. А этот спокоен и холоден, как могила. Но чувствуется в нем какая-то мужская сила».

К тому же, г-н Сафа, по всей видимости, был сказочно богат и совсем не жаден. За услуги Марьям он был готов платить… Когда он назвал сумму (Кыят сказал своему другу Сафе, что может не стесняться в расходах), ей показалось, что она сильно ослышалась:

– Сколько? – невольно вскрикнула Марьям, удивленно поднимая вверх стрелки аккуратно выщипанных бровок.

Но при этом на ее мраморном лбу не возникло ни единой морщинки. Они никогда там не возникали, даже при сильном проявлении эмоций – поверхность белой кожи на ее лобике всегда оставалась девственно чистой. Марьям знала об этом, и в проявлении чувств не стеснялась, сопровождая их обильной жестикуляцией.

Вот и сейчас свой непроизвольный возглас она усилила взмахом левой руки, а правая рука, занятая бокалом красного вина, оставалась неподвижной. Марьям тыльной стороной ладони откинула спущенный локон умело завитых волос назад. Получилось что-то вроде взмаха однокрылой бабочки. В вырезе черной кофточки приподнялись и приоткрылись холмики ее высокой груди. Это был ее фирменный жест. При этом красотка Марьям успевала еще совершить томное воздыхание, чуть приоткрыв свои алые губки, за которыми скрывался жемчужный ряд белоснежных зубов. Все это она проделывала не специально, у нее это получалось как-то само собой, естественно и органично. И выглядело безумно эротично и било наповал! Ухажеры штабелями ложились у ее прелестных ног.

Но г-н Сафа никуда не лег. «Может, старею», – подумала Марьям, но тут же отогнала от себя неприятные мысли. Это ее визави, похоже, был глух к языку жестов, он и бровью не повел, а лишь невозмутимо спросил:

– Мало?

– Что вы, что вы, более чем вполне, – запинаясь, возразила пораженная Марьям.

Шутка ли, ей предложили сумму, равную ее полугодовому окладу. И за что? Только за одну, как витиевато выразился ее работодатель, «встречу с миром прекрасного».

– Вы хотите эти встречи проводить только по воскресеньям? – переспросила Марьям, произведя в мыслях нелепое сравнение: «с Метуталем тоже встречались раз в неделю».

– Да, – подтвердил г-н Сафа и слегка пригубил вино из своего бокала.

– То есть, получается четыре раза в месяц, – уточнила Марьям, лихорадочно подсчитывая в уме, какой же гешефт в итоге она получит.

– Именно так, – последовал ответ.

По пышному телу Марьям пробежала сладостная истома. Что так умиротворило ее беспокойную душу? Терпкий вкуса гурджийского «Цинандали»? Тягучие звуки «Красной сливы» чинского виртуоза Сяо Чжань? Собственные подсчеты баснословных барышей и ожидание радужных перспектив? Скорее всего, все это вкупе.

– Про театральные премьеры и художественные выставки я поняла. А как вы смотрите, на то, если я буду также знакомить вас с современными образцами камерной музыки и новыми балетными представлениями? К нам на юга, как известно, часто приезжают и балетные труппы, – вкрадчиво предложила новоиспеченный гид-экскурсовод.

– Музыка – это прекрасно. А балет, – любитель изящных искусств на секунду задумался, но тут же продолжил своим бесстрастным голосом: – Впрочем, почему бы и не балет. Меня интересуют все виды искусств, все самое модное и популярное, все, что сегодня в тренде, в том числе и у молодой публики. Я полностью доверяюсь вашему вкусу. Куда вы меня поведете, туда я с удовольствием и пойду. Что касается входных билетов, не волнуйтесь, мы это решим. Я думаю, нам везде будут рады.

Это была самая длинная тирада, которую г-н Сафа произнес за весь вечер. Его речь показала Марьям, что ее новый благодетель не только сказочно богат, но и достаточно влиятелен. И, похоже, он не последний человек в городе, и даже может быть приближен к самому губернатору. Хотя последнее вряд ли – г-н Сафа выглядел слишком независимым, такие люди предпочитают держаться подальше от власти.

Он скромен и не заносчив, никуда не торопится, тихо, но четко и легко выговаривает все слова. Почти ничего не ест, мало пьет. Г-н Сафа почудился Марьям неким инопленетным существом, легким, воздушным, почти невесомым. Такие «пассажиры» ей еще не попадались.

Правда, подобную иллюзию создавала и сама сюрреалистическая обстановка этого необычного арт кафе, куда она его привела. Красивые люстры и абажуры заливали своим мягким светом всю диванную зону, где Марьям уединилась с г-ном Сафой. Несмотря на полное отсутствие эмоций и даже малейших признаков флирта с его стороны, Марьям надеялась найти с новым патроном общий язык. Ей хотелось, чтобы их предстоящие встречи были не только выгодны в смысле финансов, но и не обременительны душевно, а по возможности и приятны.

4

Таким образом из-за встреч с «миром прекрасных искусств» в воскресные вечера график Сафы несколько ломался, последний месяц он проводил их вместе с "искусствоведом широкого профиля", очаровательной Марьям, которая знакомила его с культурной жизнью южной столицы. На завтра была назначена очередная встреча – куда Марьям поведет своего алчущего свежих впечатлений спутника на сей раз?..

«Живой труп» – откуда-то из глубин сознания всплыло это забытое произведения великого классика, входившее некогда в программу обязательного школьного обучения. Впрочем, возможно, эта душещипательная драма Льва Толстого сейчас и не изучается в школе. Марьям в последний раз читала ее очень давно, и припоминались поэтому лишь какие-то смутные образы.

«Князь Абрезков – 60-летний элегантный холостяк. Бритый, с усами. Старый военный с большим достоинством и грустью».

Нет, этот усатый «толстовский князь» совсем не походил на безусого Сафу, к тому же не он являлся главным героем пьесы и не его автор назначил на роль «живого трупа». Но как бы там ни было, г-н Сафа вполне, по мнению Марьям, соответствовал этому образу, если, конечно, отвлечься от контекста истории, случившейся в конце позапрошлого века и сосредоточиться лишь на одном ее названии.

Во всяком случае, в «Саду земных наслаждений» Иеронима Босха подопечному Марьям делать было явно нечего. Жанровая живопись знаменитого голландского художника, несмотря на загадочность мистических образов и обилие обнаженной натуры, ни капельки его не затронули. Luxuria – грех сладострастия – по всей видимости, был ему неведом.

«Живой труп он и есть, что с него взять», – почти с ненавистью думала Марьям о своем вяловатом клиенте, равнодушно прохаживающемся вдоль знаменитых полотен величайшего мастера средневекового ренессанса.

«А еще смеет утверждать, что интересуется миром искусства. В театре во время пьесы Агаты Кристи (с которой она знакомила Сафу в прошлое воскресенье) все время спал, на выставке картин Босха откровенно зевает. Зачем он вообще меня нанял! Но что-то ведь ему нужно. Знать бы еще, что?» – недоумевала Марьям про себя, а вслух произнесла:

– Смотрю, вас не очень-то впечатляет эта выставка?

– Нет, почему же, любопытно, но я к импрессионизму как-то не очень, – инфантильно отозвался г-н Сафа.

Ого, он еще и умные слова знает!

– Но Босх – не импрессионист, он родоначальник сюрреализма, который зародился на четыре века ранее. Я по творчеству Босха и работам обоих Брейгелей диссертацию писала. Отслеживала, так сказать, преемственность поколений.

– А где вы учились? – наконец-то г-н Сафа проявил хоть какой-то интерес к ее жизни, забыв, что Марьям уже говорила ему об этом.

– Во Франции, я выпускница факультета истории искусств университета Сорбонны, – не без гордости заявила Марьям.

– Так вы – историк? – переспросил г-н Сафа.

– Таки да. Еще и археолог. В некотором роде. Это неправильное мнение, что в Европе готовят лишь узких специалистов.

– И на раскопках бывали?

– Не довелось. В Париже на моем факультете изучали только доколумбийскую археологию, – констатировала Марьям и перевела тему разговора на творчество Босха: – Обратите внимание на это полотно, на центральный фрагмент триптиха, где Творец представляет изумленному Адаму восхитительные прелести Евы. В средние века на половое совокупление смотрели, как на доказательство утери человеком его ангельской сущности. Но, на мой кощунственный взгляд, художник, прикрываясь библейскими сюжетами, воспевал сладострастие.

– То есть, вы хотите сказать, что Босх был тайным эротоманом? Как и…

– Как и… кто? Продолжайте! Что же вы замолчали?

– Как и многие другие художники, работающие с обнаженными натурщицами, – спокойно окончил фразу г-н Сафа после некоторой паузы.

– На сей счет существует множество различных гипотез и догадок. Но по сути вы, наверное, правы. Тема эротики, как я думаю, была не чужда Босху.

Г-н Сафа подошел к левой створке триптиха, где некий аббат, облаченный в розоватое одеяние, держал за руку обнаженную девушку с рыжими волосами, видимо, наставляя на путь истинный падшую грешницу.

Неужели Босху удалось оживить г-на Сафу?

5

– Привет, Марьюша! – раздался вдруг чей-то звонкий, почти ребячий голосок.

Так – «Марьюша» – ее называли только два человека: отвергнутый Метуталь и Эсфирь, ее давняя, если так можно выразиться, деловая подруга.

Марьям обернулась и увидела – да, это была она, ослепительная и неотразимая Эсфирь.

– Привет, привет! Вся местная богема пришла на выставку Босха.

– Да уж, нужно поторопиться – завтра выставка закрывается. Вот репортаж об «отце сюрреализма» хочу написать. Кстати, ты ведь хорошо знакома с его творчеством. Почему этот триптих называется «Сад земных наслаждений»? Не могла бы ты дать мне интервью? – попросила журналистка, беззастенчиво при этом осматривая спутника Марьям.

– Извини, я чуточку занята. Видишь, экскурсию провожу.

– Ничего, ничего, – сказал г-н Сафа. – я могу пока и один тут походить, а вы побеседуйте.

– Спасибо, вы очень любезны. Я – Эсфирь, редактор альманаха «Жизнь искусства», – общительная журналистка первой подала маленькую изящную ручку г-ну Сафе, не дожидаясь, пока ее представят.

В ответ галантный кавалер на мгновение задержал хрупкую девичью ладонь в своей руке, пристально вглядываясь в бездну ее больших голубых глаз. А Марьям между тем быстренько подхватила подругу под локоток:

– Хорошо, г-н Сафа, вы пока прогуляйтесь. А мы пошепчемся немного вон там в углу, на том диванчике.

– Не скучайте, мы скоро вернемся, – кокетливо улыбнулась новому знакомому Эсфирь и, как бы в шутку, послала ему воздушный поцелуй.

Г-н Сафа проводил подружек долгим сосредоточенным взглядом. Устроившись на мягком кожаном диване, освещенном холодным светом серо-стального абажура, Эсфирь, забыв про интервью, сразу бросилась с места в карьер:

– А что это за «папика» ты подцепила, ну-ка, колись, подруга.

– Никакой это не «папик». Это просто клиент. Меня попросили, я его по театрам и музеям вожу, – холодно ответила Марьям.

– За деньги?

– «Естестенно».

– Богатый? – облизнула свои влажные губы представительница одной из древнейших профессий.

– Сказочно.

– Повезло тебе, подруга, – завистливо вздохнула Эсфирь.

– Тьфу, тьфу, как бы не сглазить.

– Он кто – бизнесмен, банкир?

– Мне кажется… только об этом никому, – перешла на заговорщический шепот Марьям, подвигаясь поближе к уху подруги, – Мне кажется, он мафиози.

– Да ладно! Вроде непохож, – тоже перешла на шепот Эсфирь.

– Более того, – продолжила Марьям, – я думаю, что он сейчас сидит в тюрьме, но раз в неделю его вывозят на прогулку.

– Это же невозможно! – тряхнула своими кудряшками Эсфирь.

– За большие деньги возможно все.

– Это ты точно знаешь или это только так, твои домыслы?

– Догадываюсь. Посуди сама. На встречу всегда приходит в одной и той же голубой рубашке. Его привозят и увозят на белом «Bentley» в одно и то же время. Выставки, музеи, театры – это лишь для отвода глаз, это лишь повод. Он людные места любит, мы с ним и в общественном транспорте катались, и в торговых центрах были – везде на людей пялится, словно с другой планеты прилетел.

– Может, он в одиночной камере сидит? – стала заражаться дедуктивным азартом своей приятельницы Эсфирь.

– Возможно. И мне кажется, пялится он в основном на баб. Знаешь, как он на буфетчицу в театре смотрел! Просто проглотить был готов. А она вся такая махонькая, аккуратная, со стоящими грудями. Очень аппетитная.

– Но если он такой богатый мафиози, как ты говоришь, ему девок что ли не подгонят! Да целый вагон. Любой формы и цвета. Что-то тут не клеится, подруга.

– Видишь ли, я думаю, его только определенный типаж интересует. Он все время что-то высматривает, как будто кого-то ищет.

– Уж не маньяк ли?

– Не знаю даже.

– Ну ты попала, подруга. Смотри, осторожней.

– Мне-то бояться нечего. Я не в его вкусе.

– В первый раз от тебя такое слышу. Стареешь, мать!

– Возможно. Но скорее всего, я по габаритам не прохожу. А вот ты поберегись, дорогая. Ведь та буфетчица из театра на тебя была похожа. Такая же миниатюрная, такая же рыжая, с такими же голубыми глазенками. Вот ты не заметила, а он тебя так же, как и ее, всю пробуравил своим гипнотическим взглядом.

– Ой, напугала… Все я заметила, и взгляд, и буравчик. А ты, может, просто боишься, что я отобью его у тебя. Вот и нагородила тут с три короба.

– Смотри, подруга, я предупредила.

– Ладно, иди уж, заждался тебя твой кавалер.

Часть четвертая

1

Каган Кыят был немногословен и сух, особенно с посторонними. С более близкими людьми иногда шутил. Хотя в юности мог часами рассуждать на разные отвлеченные темы. Но зрелость приучила к сдержанности. Любая мысль – лжива, а мысль изреченная – лжива вдвойне. Если человек не может отключить свой мозг, который всегда производит какие-то мысли, то нужно иногда отключать хотя бы свой рот и поменьше болтать.

Кыят был совершенно закрыт и непроницаем для внешнего мира, его абсолютно не волновало то, что происходило вне Аркан Куна. Философема Канта "Ding an Sich" (Вещь в себе) была вполне применима и к "Modus vivendi" (Образу жизни) Кыята.

Поэтому его неожиданное решение – "срочно летим в Сибирь" – показалось очень странным. Это была реакция на весьма незначительные события, которые происходили где-то у черта на куличках, аж боле чем в 2000 км от Аркан Куна.

– В шахматы сегодня играть не будем, – объявил Каган Кыят, встречая Сафу в гостевой веранде.

Каган куда-то очень спешил. Куда? В небольшой сибирский городок. Зачем?

Некие негодяи из местной военизированной охраны заманили несколько смазливых старшеклассниц и забавлялись с ними в своем офисе всю ночь до утра. И до этого никому не было дела. Дескать, девочки пришли в офис по собственному желанию. Кто-то из депутатов даже вступился за охранников, дескать, полезным, политически важным делом занимаются – способствуют повышению рождаемости в стране…

Дело приобрело широкий резонанс. Весть о об этом разнеслась благодаря интернету по всем российским городам и весям. В общем-то, вполне банальная для нашего мутного времени история, которая могла произойти и происходит в любой точке планеты.

Почему же она так взволновала, можно даже сказать, привела в бешенство Кагана? Он ведь обычно вообще никак не реагировал на события, происходящие за пределами Аркан Куна.

Трудно понять.

Логика таких поступков и таких нервных импульсов часто не поддавалась объяснению. Кое-кто видел в них типичные "социопатические признаки" и даже отклонения от нормы. Но кто и когда установил эти нормы? Вся антропологическая наука и психиатрическая практика основана на наблюдениях за обычными людьми. Однако жизнедеятельность их организма резко отличалась от психических реакций Кыята – потомка Чингиз-хана.

Можно привести немало свидетельств, которые очень хорошо показывают, что психические реакции неординарных личностей непохожи на обычные, но схожи между собой. К примеру, возьмём боле чем 100-летней давности случай, когда поведение двух разноязычных классиков литературы той эпохи – Гаяза Исхаки и Алекандра Куприна – было совершенно идентичным. Когда литературный цензор зарубил их не слишком верноподданнические сочинения, оба писателя схватились за пистолеты. Они готовы были мчаться в Санкт-Петербург, в комитет императорской цензуры и расстрелять там не в меру ретивых царских служак. От этого рискованного мероприятия будущих классиков насилу удержали их друзья.

Но такова горячая кровь лидера – бесстрашного воина и неутомимого борца за справедливость.

Каган со своими бойцами вылетел в Сибирь на винтовом военно-транспортном самолете из авиаотряда Аркан Куна и удачно приземлился в пригородной зоне прямо на грунтовой полосе. Зайдя в город маршевым ходом, бойцы Кагана быстро взобрались по деревянной лестнице с резными парапетами на вершину живописного холма, где располагался офис местной военизированной охраны. Налет был неожиданным и дерзким.

Застигнутых врасплох охранников ликвидировали за считанные минуты. Всех до единого.

Насиловать девочек-школьниц в городке стало некому.

2

– Так что, девонька, думай сама, – прошепелявила беззубым ртом старуха Изергиль. – Это у тебя единственный шанс отсюда выбраться.

Кто и когда обозвал эту приблатненную подследственную "старухой Изергиль" по имени персонажа одного известного сочинения знаменитого пролетарского писателя начала прошлого века, никто не знал. Да она и сама не слишком заморачивалась на сей счет. "Погоняло" старушку вполне устраивало, а как ее на самом деле звали, – ну кому до этого какое дело? Также никто не знал, в чем она обвинялась, по какому делу проходила и какой срок ей светил.

Но старожилы тюремного изолятора – а таких в полицейском участке Аркан Куна было немного (здесь все дела решались очень быстро) – помнили, что старуха Изергиль сидела в их камере до того, как они сюда попали. Наиболее догадливые из них подозревали ее в "стукачестве". То есть, они думали, что старушка работала на "ментов". Однако выбор старухи Изергиль почему-то всегда падал лишь на молодых и привлекательных сокамерниц.

Вот и сейчас она затеяла "доверительную беседу" с новенькой – молоденькой девчушкой, на вид почти подростком. Девушку звали Амара, и она проходила по статье "употребление и распространение наркотиков". Несмотря на совершенно юный невинный вид, – никто не давал ей больше 16 – Амаре уже стукнуло 29, и она в своей сиротливой постдетдомовской жизни успела пройти через "все огни, воды и медные трубы".

Амару охранная служба отеля-казино "Аркан Кун" поймала с поличным – девушка, забившись в укромный уголок и разложив на столике белый порошок, жадно вдыхала очередную порцию наркотического дурмана…

Управляющий отелем-казино "Аркан Кун" Моисей Ким беспощадно боролся с проникновением наркотиков в свое развлекательно-увеселительное заведение, ставшее самым модным и популярным на всем Черноморском побережье. Однако следует заметить, что такую установку Киму дал его хозяин Каган Кыят.

– Ты точно уверена, что готова? Ты все поняла? – продолжала обрабатывать новенькую старуха Изергиль.

– Думаю, что да, – отвечала Амара.

– Смотри, раз в неделю по камерам проводится обход. Начальник тюрьмы самолично проводит опрос зэчек. Когда майор спросит: "У кого есть жалобы", что ты должна ответить?

– У меня есть жалоба, но я ее выскажу только…

– Ну, кому, не тяни, говори…

– Только… только… Я забыла. Кому?

– Кагану. Вот дура! Это главное слово, как пароль. Если ты его не произнесешь, ничего не получится.

– Извини, я забыла. А кто такой Каган?

– Узнаешь, если к нему попадешь. Только у него твое спасение.

Воцарилось молчание. Старуха потерла свой морщинистый лоб, а потом прошепелявила:

– Но учти, там не только твое спасение, там и твоя погибель. Ты сказала, что умеешь то, что другие мокрощелки не умеют. Каган не каждую бабу примет, если ты его разочаруешь, то тебе ничего не простится, наоборот, твой срок удвоится.

– Не поняла, – удивленно подняли свои синие глазки и тряхнула своими длинными волосами Амара.

– Что тут непонятного? Вот, ты сказала, что любишь секс…

– Да, люблю, и что тут такого?

– Ничего. Но попала ты сюда за наркотики.

– Это так, баловство. Я не наркоманка.

– Ты сказала, что можешь поразить и удивить своей страстью любого кобеля.

– Ну не совсем любого, – замялась Амара. – Если только он мне понравится. Если он мне понравится, тогда он попадет в сказку…

– Что за ересь ты несешь, девка! – оборвала свою собеседницу старуха. – Нравится, не нравится, люби, моя красавица! Вот и вся наука. Учти, это твой единственный шанс, смотри, не упусти его.

Все произошло, как и предсказывала старуха Изергиль. На следующий день в их камеру заявился начальник тюрьмы со своей свитой и спросил:

– У кого какие будут жалобы?

– У меня, – смело выступила вперед Амара, – но я их выскажу только Кагану.

3

Говорят, у Чингиз-хана было 500 жен и наложниц. Его потомок Кыят, похоже, Великого хана переплюнул. В каждом учреждении "империи Аркан Кун" были его доверенные лица – "мамки", которые досконально изучившие вкус Кагана, искали для него новых наложниц. Здесь существовало право "первой брачной ночи". Любая женская особь до 35 лет, принимаемая на работу в учреждения Аркан Куна, после соответствующей медицинской проверки, должна была пройти через спальные покои Кагана Кыята. И лишь после этого допускалась к своим прямым служебным обязанностям. Это касалось и тюрьмы Аркан Куна, где старуха Изергиль подбирала подходящие кандидатуры.

Кыят был таким ненасытным или искал какую-то особенную женщину?..

Светловолосую Амару, искупанную в горячих банях и облаченную в роскошные наряды, привели на веранду, где Кыят обычно играл по субботам в "шахматы Фишера" с Сафой.

Каган Кыят оглядел девушку небрежным беглым взглядом и приказал:

– Раздевайся!

– С чего это вдруг! – огрызнулась Амара.

Часть пятая

1

В душу закралась тоска. Нет, она туда не закралась, она там, похоже, уже по-хозяйски поселилась, вгрызаясь своими острыми щупальцами в живую плоть. Кыят испугался, как бы тоска не поселилась в его душе навечно.

Он поднялся с дивана и, тяжело вздыхая, поплелся на кухню. В пустом холодильнике стояли две стеклянные бутылки: одна с минеральной водой, другая с яркой красочной этикеткой – какое-то заморское пойло. Кыят знал, что алкоголь не поможет, будет только хуже. Он отпил большой глоток минералки и вернулся в зал на широкий раскладной диван, задернутый зеленым покрывалом, на котором были изображены вьющиеся змеи на фоне сказочных джунглей.

Эта ужасная жара уже достала! В тени – плюс 50! И натужно рычащий кондиционер ничуть не охлаждал, а лишь раздражал…

Вдруг в его рокот вплелся некий посторонний звук, напоминающий цокот копыт гарцующей по булыжной мостовой лошади или стук женских каблучков. Шпильки ее красных туфелек вонзились своим острием прямо в сердце Кыята! Ну, конечно же, это была она, его возлюбленная Тасним. Кто бы еще мог в такой зной, когда солнце из своего зенита обжигает своими палящими лучами все живое, решится фланировать по городу на звонких высоких каблучках? Тасним все-таки не выдержала и, откликнувшись на его просьбу о последней встрече, пусть с трехчасовым опозданием, но торопилась к нему на прощальное свидание. О, как он по ней соскучился! Представив, как вновь будет сжимать в своих объятиях это сладкое, похотливое, женское тело, Кыят резво покинул свое одинокое ложе и, подбежав к окну, одернул тяжелую занавеску…

– А-а, – раздался вздох разочарования из утомленной от долгого ожидания груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.